

Су Няньань прожил в семье Лу уже некоторое время. Поздней осенью ветер гнал опавшие листья и бросал их в окна виллы, а холод понемногу просачивался в комнаты.

С самого первого дня в доме Лу он жил в тесной гостевой комнате в дальнем конце коридора второго этажа. Там было сыро и душно, а в углах стен проступали бледные пятна плесени.

Главная спальня Лу Чжияня находилась на другом конце того же коридора, всего в десятке с лишним метров. Но это расстояние казалось непреодолимой пропастью, стеной, сложенной из холодности и безразличия.

Обстановка в гостевой комнате оставалась убогой: узкая односпальная кровать с жёстким матрасом, от которого болели кости, деревянный шкаф с облупившейся краской, чьи петли скрипели при каждом движении, и даже окно, которое нельзя было открыть полностью. По ночам здесь всегда стояли сырость и холод, ветер проникал через щели и трепал тонкое одеяло.

Каждую ночь Су Няньань лежал на этой маленькой кровати, закутавшись в тонкое одеяло, слушал редкие шаги в коридоре и чувствовал внутри пустоту, словно чего-то не доставало и ничем эту дыру не заполнить.

После свадьбы они всё время жили в разных комнатах. О том, чтобы оставаться наедине в одной спальне, не было и речи; даже спокойно сесть и поговорить им удавалось считанные разы.

За столом Су Няньань мог лишь стоять рядом и прислуживать, в гостиной — прятаться в углу. Лу Чжиянь всегда оставался холодным и отстранённым, относился к нему как к ненужной декорации, как к слуге. Номинальным супругом он его никогда не считал и ни разу не подарил даже тёплого взгляда.

Нельзя сказать, что у Су Няньаня совсем не было несбыточных надежд. Всё-таки по документам они были супругами.

Как бы Лу Чжиянь его ни ненавидел и ни презирал, Су Няньань всё равно мечтал хоть немного стать ближе. Мечтал получить хотя бы крупицу тепла и иногда думал, что, возможно, когда-нибудь и для него найдётся место в просторной тёплой главной спальне.

Но реальность жестоко ударила по нему и раздавила все надежды.

Ночью он лежал на кровати и смотрел в чёрный потолок. Лунный свет проникал через маленькое окно и оставлял на полу длинную узкую полосу — холодную и одинокую.

Он слышал едва различимые звуки со стороны главной спальни: тихое движение инвалидного кресла, шелест переворачиваемых страниц. Одиночество и тоска всё сильнее расползались внутри, словно лианы обвивали сердце и мешали дышать.

Су Няньань понимал: закрытая дверь главной спальни — это преграда, которую ему никогда не преодолеть. В комнате с мягким ковром и большой кроватью никогда не будет места для него, ничтожного незаконнорождённого омеги.

Он вспоминал холодный взгляд Лу Чжияня, когда тот разбил приготовленный им отвар, вспоминал, как тот защищал его от постороннего, а потом тут же отчитывал. Вспоминал неизменно отстранённый взгляд и ледяной голос — и постепенно понимал, что между ними лежит пропасть, которую не пересечь.

Эта пропасть состояла из огромной разницы в положении, из глубинного безразличия Лу Чжияня и из расстояния, которое Су Няньань не мог сократить, сколько бы ни старался.

Он был лишь пешкой, присланной семьёй Су, брошенным незаконнорождённым омегой. Лу Чжиянь же — высоко стоящий глава семьи Лу, сильный и благородный альфа. Они изначально принадлежали разным мирам, между ними от рождения лежала бездна.

Этот брак был всего лишь обменом выгодами, спектаклем для чужих глаз. В нём никогда не было настоящих чувств, тепла или хотя бы малейшей близости, которая связывает супругов.

Их спокойная на вид жизнь по разным комнатам каждую минуту напоминала Су Няньаню о его положении, о его ничтожности и слабости, о том, что в этом доме он навсегда останется чужим.

Каждый день он жил предельно осторожно, боялся переступить черту и ничего не просил. Ему оставалось лишь держаться за эту тесную холодную комнату и за остатки собственного достоинства, молча терпя отчуждение, въевшееся до костей.

Он плотнее завернулся в тонкое одеяло и уткнулся лицом в холодную подушку. В носу защипало, слёзы бесшумно намочили наволочку, но плакать вслух он не смел.

Су Няньань был уверен, что эта отчуждённость останется навсегда — невидимая стена окончательно разделит его и Лу Чжияня, и ни приблизиться, ни заполнить эту пропасть не удастся.

Лунный свет проникал через маленькое окно и ложился на его худую фигуру, подчёркивая одиночество. Но даже пронизывающий холод гостевой комнаты не мог сравниться с ледяным отчаянием в сердце.